

С.А. Фомичев

Язык «Горя от ума»

Ни одно из произведений русской классики, за исключением басен Крылова, не может соперничать с комедией «Горе от ума» по количеству пословичных выражений, обогативших живой, разговорный язык. Лишь отчасти явление это можно объяснить необычайной популярностью пьесы, реплики-афоризмы из которой затверживались всей грамотной Россией задолго до первого издания книги в 1833 году. Уже в 1825 году В. Одоевский свидетельствовал:

«...Почти все стихи Грибоедова сделались пословицами, и мне часто случалось слышать в обществе целые разговоры, которых большую часть составляли стихи из “Горя от ума”».

Фразеологическое новаторство пьесы во многом определялось блеском грибоедовского остроумия. По моделям разговорной речи драматург образовывал еще неподатливый в начале XIX века литературный язык наряду со многими своими современниками. В ту пору это осознавалось в качестве первоочередной задачи, стоящей перед русской литературой. В 1816 году, когда и Грибоедов, и Пушкин делали свои первые шаги в литературе, Батюшков в «Речи о влиянии легкой поэзии на язык» заявил:

«...Множество писателей отличились в этом роде, по-видимому столь легком, но на самом деле имеющем великие трудности и преткновения, особенно у нас, ибо язык русский, громкий, сильный и выразительный, сохранил еще некоторую суровость и упрямство, не совершенно исчезающие даже под пером опытного таланта, поддержанного наукой и терпением. Главные достоинства стихотворного слога суть движение, сила, ясность...»

Думается, под «движением» Батюшков подразумевал прежде всего фразеологическую раскованность языка, когда слово получало целый спектр переменных значений в зависимости от контекста. Так, Хмельницкий в своеобразном лингвистическом эссе «Мой мячик», играя тем или иным словом, демонстрировал его выразительность:

«Кто нам не с руки, тот иногда жмет нам руку. Искусство жать дошло до совершенства, до крайности <...>. Есть рука легкая, дружеская; тяжелая, недоброжелательная; и кто не знает, что сильная рука — владыка...»

При всей несоразмерности содержания грибоедовских тирад с подобными языковыми забавами нельзя все же не увидеть того же приема и в комедии «Горе от ума»: «Смесь языков?» — «Да, двух, без этого нельзя ж». — «Но мудрено из них один скроить, как ваш». — «По крайней мере, не надутый <...> Свиданьем с вами оживлен / И говорлив; а разве нет времен, / Что я Молчалина глупее? Где он, кстати? / Еще ли не сломил безмолвия печати? <...> / А впрочем, он дойдет до степеней известных, / Ведь нынче любят *бессловесных*».

Для того чтобы вполне оценить выразительную силу последнего, выделенного самим драматургом слова, необходимо вспомнить, что в грибоедовские времена оно означало не только «безответный, безмолвный», но и «не одаренный способностью говорить», то есть «бессловесное животное». Именно благодаря этой выявленной в контексте смысловой емкости слова последние две строки приобретают афористическую форму, превращаются в крылатое выражение.

Слово в комедии не просто предельно значимо — оно всегда психологически точно. Так, «мы» в устах Фамусова («Мы, например, или покойник дядя») и «мы» Молчалина («в чинах мы небольших») звучат как антонимы. Языковая емкость в комедии Грибоедова обусловлена живым, сиюминутным рождением слова, свежесть которого не притупилась,

не стерлась. Однако, становясь активной единицей литературной речи, далеко не все крылатые слова вливаются в национальный пословичный фонд.

Заметим, что в баснях Крылова игра собственно словом не так уж и часта. К примеру, выражение «А ларчик просто открывался», зарегистрированное Далем в «Толковом словаре живого великорусского языка», не содержит неожиданных переосмыслений слов. И все же оно стало пословицей. Народная мудрость усваивает из литературы вовсе не парадоксы и максимы, а откровения здравого смысла. В баснях же Крылова, по словам Белинского, как раз и «выразилась вся полнота практического ума, смысленности, — по-видимому простодушной, но язвительной насмешки русского народа». Мировоззренческая тождественность басенного творчества Крылова и фонда русских пословиц убедительно выявлена Гоголем:

«Это наша крепкая русская голова, тот самый ум, который сродни уму наших пословиц, тот самый ум, которым крепок русский человек, ум выводов, так называемый “задний” ум. Пословица не есть какое-нибудь вперед поданное мнение или предложение о деле, но уже подведенный итог делу, отсеяв, отстой уже перебродивших и кончившихся событий, окончательное извлечение силы дела из всех сторон его, а не одной. Это выражается и в поговорке: “Одна речь не пословица”. Вследствие этого “заднего” ума, или ума окончательных выводов, которым преимущественно наделен перед другими русский человек, наши пословицы значительнее пословиц всех других народов. Сверх полноты мыслей, уже в самом образе выражения в них отразилось много народных свойств наших; в них все есть: издевка, насмешка, попрек, словом — все, шевелящее и задирающее за живое: как стоглазый Аргус, глядит из них каждая на человека».

По сравнению с басней комедия Грибоедова, конечно, неизмеримо более сложная жанровая форма. Но механизм заимствования из нее живым языком пословичных выражений, очевидно, не может быть принципиально иным. Здесь важна, наверное, сама «манера понимать вещи», в которой Белинский видел «тайну национальности».

Когда Пушкин писал об авторе «Горя от ума»: «Цель его — характеры и резкая картина нравов», — он был не вполне прав. Сам Грибоедов лишь вскользь обмолвился об изначальной «цели» произведения — несомненно не той, которую усматривал в пьесе Пушкин:

«Первоначальное начертание этой сценической поэмы, как оно родилось во мне, было гораздо великолепнее и высшего значения, чем теперь в суетном наряде, в который я принужден был облечь его».

Под «суетным нарядом» писатель подразумевал комедийную форму своего произведения, то есть как раз «характеры и резкую картину нравов». В чем же заключается «высшее значение» пьесы, по-видимому, не исчезнувшее окончательно? Иначе она не была бы уже «этой сценической поэмой», а каким-то совсем другим произведением, не соотносящимся с нею.

Главная мысль комедии концентрируется в ее заглавии: «Горе от ума» (первоначально «Горе уму») — в самой этой формуле отражено противоречие, обнаруженное эпохой кризиса просветительских идеалов. Для просветительской философии понятия «ум» и «счастье» синонимичны, ибо — согласно этому учению — овладение истиной предопределяет счастье как отдельного человека, так и общества в целом. Философ-просветитель Гельвеций писал: «Ум подготавливает счастье, которое добродетель завершает». Комедийное же действие в пьесе Грибоедова выливается в клеветническое судилище своекорыстного общества над подлинным умом.

Понятие ума в пьесе не только важнейшая мировоззренческая, но и нравственная категория, в которой писателем прозревается народное начало:

Воскреснем ли когда от чужевластья мод?
Чтоб умный, бодрый наш народ
Хотя по языку нас не считал за немцев.

В записной книжке писателя сохранилась заметка, позволяющая откомментировать данные строки: «Не славяне, а словене — в противоположность немцам». В представлении Грибоедова главной категорией, которая определяет нацию, является слово, язык — и потому все, не понимающие этого языка, в народном представлении «немцы» (то есть «немые»).

Характеризуя стиль «Горя от ума», Кюхельбекер замечал:

«Но что такое неправильность слога Грибоедова (кроме некоторых, и то очень редких исключений)? С одной стороны, опущения союзов, сокращения, подразумевания, с другой — плеоназмы — словом, именно то, чем разговорный язык отличается от книжного. Ни Дмитриеву, ни Писареву, ни Шаховскому, ни Хмельницкому (за их хорошо написанные сцены), но автору 1-й главы «Онегина» (впоследствии Пушкин очень хорошо понял тайну языка Грибоедова и ею воспользовался) Грибоедов мог бы сказать то же, что какому-то философу, давнему переселенцу, но все же не афиняну, — сказала афинская торговка: “Вы иностранцы”. — “А почему?” — “Вы говорите слишком правильно: у вас нет тех мнимых неправильностей, тех оборотов и выражений, без которых живой разговорный язык не может обойтись, но о которых молчат ваши Грамматики и Риторика”».

Установка драматурга на воссоздание в произведении подлинно народного языка должна быть оценена как забота его о сохранении высшего значения сценической поэмы.

Здесь писателя подстерегало неразрешимое, казалось бы, противоречие. Герой в комедии противопоставлен всему фамусовскому обществу, которое, однако, изъясняется на том же языке, что и он.

Но вспомним, что в представлении Грибоедова язык — стихия чрезвычайно мощная, сохраняющая свою жизнестойкость, несмотря на длительный период рабства, развращающего господ. Комические характеры пьесы только потому и не воспринимаются как внеэстетические, что не стали окончательно «немцами», до конца «бессловесными». Впрочем, именно языковыми средствами драматург постоянно акцентирует симптомы приближающейся духовной смерти фамусовского общества.

Особенно характерна в этом отношении речь Репетилова. Только на первый взгляд она по-народному образна. На самом деле он не только постоянно провирается, но и перевирает сам язык, пользуется поговорками автоматически, не чувствуя уже их содержательного смысла. Когда Репетилов, восхваляя приятеля, говорит: «Мы его на черный день пасем» — он, в сущности, характеризует его скотом, заодно предрекая ему роль жертвы. Двусмысленно выражение «напят на убой» (ср.: накормят на убой), откровенно глупо: «тут всякие турусы» (Репетилов хочет сказать, что у него был с Чацким «дельный разговор», а турусы означают пустую болтовню, вздорное вранье). Смешно в устах Фамусова признание: «Мечусь как будто угорелый» (ср.: мечется, как угорелая кошка). Превосходна невольная ошибка Загорецкого: «Всех сбил я с ног» (ср.: сбился с ног). Точными штрихами намечена языковая глухота Скалозуба: он говорит «опрометью», «мне совестно, как честный офицер».

Речь Чацкого, не чуждающегося и книжных выражений, отличает свободное, подчас виртуозное владение народным языком; он может сказать: «брали лбом» (ср. поговорки «брат горлом», «брат голыми руками»), «глаз мигом не прищуря» (усиление фразеологизма «не смыкать глаз», то есть не засыпать). Интересно, что его неприязненное отношение к Молчалину выражается не только буквально, но и идиоматически: «пускай себе сломил бы шею» наряду с буквальным смыслом означает вообще потерпеть неудачу; «чем голова его ввек не была набита» — этот оборот невольно вызывает в памяти идиому о голове, набитой соломой.

Нет нужды напоминать бесчисленное количество поговорок, пронизывающих весь текст комедии. Пословиц в ней нет, но афористические выражения, составляющие яркую примету грибоедовского стиля, зачастую строятся по моделям (звуковым, синтаксическим, смысловым) народных пословиц, начиная с заглавия — «Горе от ума» (ср. «От боль-

шого ума сходят с ума»; «Чужая беда не дает ума»; «Счастье без ума — дырявая сума»); «Пригож и мил, кто не доест и не доспит до свадьбы» (ср.: «Кто хочет жениться, тому всю ночь не спится»), «Минуй нас пуще всех печалей / И барский гнев, и барская любовь» (ср.: «Барская милость — кисейная сытость», «Барская ласка до порога», «Барский двор хуже петли»), «И свет и грусть» (ср.: «И смех и грех»), «Ах! Злые языки страшнее пистолета» (ср.: «Слово не стрела, а разит», «Хоть слово не обух, а от него люди гибнут»), «Мне в петлю лезть, а ей смешно» (ср.: «Тебе смешно, а мне к сердцу дошло»), «Вон из Москвы! Сюда я больше не ездук» (ср.: «Нет, я в Моздок не ездук»).

Иногда пословица остается в подтексте: «Ну, гость неприглашенный, / Быть может, батюшка войдет» (ср.: «Незванный гость хуже татарина»), «А тем, кто выше, лезть как кружево плели» (ср.: «Языком кружево плести»), «А ты не исцелим, хоть брось» (ср.: «Дурака учить, что мертвого лечить»).

В других случаях пословица осознается как оппозиция сказанному: «Грех не беда, молва нехороша» (ср.: «Беда не беда, лишь бы не было греха»), «Как платья, волосы, так и умы коротки» (ср.: «Долог волос, да ум короток»).

Таким образом, в самом стиле комедии создается языковая норма, всякое отступление от которой фиксируется на слух как комическая двусмысленность. В живую речь из пьесы перешло особенно много таких выражений, которые несут комическую окраску: или ложной патетики («дистанция огромного размера», «шумим, братец, шумим», «когда ж о честности высокой говорит», «умный человек не может быть не плутом», «влеченье, род недуга», таланты: «умеренность и аккуратность»), или саркастической оценки потуг на значительность («а судьи кто?», «послушай, ври, да знай же меру», «чтоб иметь детей, кому ума не доставало», «есть от чего в отчаянье прийти»). Во всех случаях в живом разговорном употреблении применительно к конкретной, ситуационной ситуации выражения эти сохраняют отсвет собственно грибоедовского контекста, как и крыловские идиомы «Тришкин кафтан», «Демьянова уха» и т. п.

Конечно, как это происходит и с народными поговорками, с течением времени их бытовая и исторически конкретный смысл забывается. Так, «бить баклуши» первоначально значило разбивать осиновый чурбан на баклуши (чурки) для изготовления из них мелких щепных изделий; «турысы (тарасы) на колесах» — название древнерусской осадной башни, рассказы о которой считались фантастическими. В грибоедовское время в живом употреблении значение этих слов уже не осознавалось, и потому в пьесе они обладали только идиоматическим значением.

Подобно этому, в наше время уже не осознается в полной мере исторический смысл выражения «смесь французского с нижегородским». В данном случае Грибоедов имел в виду не только языковую какофонию «прононса» и «оканья», но и намекал на события 1812 года, когда московские бары, спасаясь от наполеоновского нашествия, бежали в приволжские, по преимуществу, города. Именно в то время было широко известно стихотворение В.Л. Пушкина «К жителям Нижнего Новгорода» с жалобным рефреном: «Примите нас под свой покров, / Питомцы волжских берегов». Но вот что писал о том же в своем «Рославлеве» А.С. Пушкин, пародировавший квасно-патриотические рассуждения Загоскина:

«Москва взволновалась. Появились престопадные листки графа Растопчина; народ ожесточился. Светские балагуры присмирели; дамы вструхнули. Гонители французского языка и Кузнецкого моста взяли в обществах решительный верх, и гостиные наполнились патриотами: кто высыпал из табакерки французский табак и стал нюхать русский; кто сжег десяток французских брошюр; кто отказался от лафита и принялся за кислые щи. Все закаялись говорить по-французски; все закричали о Пожарском и Минине и стали проповедовать народную войну, собираясь на долгих отправиться в саратовские деревни».

По возвращении в Москву и такой патриотизм быстро выцвел. В «Письмах из Москвы в Нижний Новгород» И. Муравьев-Апостол, отец будущих декабристов, писал:

«Войди в любое общество: презабавное смешение языков. Тут услышишь нормандское, гасконское, русильонское, прованское, женеvское наречие; иногда и русское пополам с выше-сказанными. Уши вянут».

Несомненно воспользовавшись этим наблюдением, Грибоедов по-своему — еще саркастичнее, нежели Муравьев-Апостол, — оттенил убожество космополитствующих дворян: от недавних невзгод у них остался лишь провинциальный диалект. С подобным же воспоминанием о «грознм годе» связаны и некоторые другие строки комедии, также перешедшие в пословичный фонд («к военным людям так и льнут, а потому что патриотки», «кричали женщины “ура” и в воздух чепчики бросали», «пожар способствовал ей <Москве> много к украшенью»).

Еще более поразительный случай грибоедовской «экспансии» пословичного выражения обнаруживается в строке *«И дым отечества нам сладок и приятен»*, выделенной в комедии курсивом в качестве чужой цитаты. Такая строка заключала державинское стихотворение «Арфа»: «Мила нам добра весть о нашей стороне: / Отчествa и дым нам сладок и приятен». Сам по себе этот образ «дыма отчествa» имеет длительную литературную традицию, возводимую еще к гомеровской «Одиссее». Но в русских фразеологических словарях державинская строка (чуть измененная) давалась с пометой: «из Грибоедова». Это, конечно, неточность. Справедливо, однако, и то, что вне грибоедовской комедии это выражение не стало бы пословицей. И опять же не только по причине популярности «Горя от ума». Заметим, как Грибоедов переосмысляет по-своему всю строку. У Державина (как и у Гомера) «дым» — метонимия родного крова, у Грибоедова в этом слове акцентируется метафорическое значение (ср.: «они тотчас: разбой! пожар!»), «нет ли здесь пожара» и т. п.). Из идиллического — выражение становится по-грибоедовски ироничным.

Ироническое качество пословице, как правило, придается ее применением к конкретной житейской ситуации. «Как аукнется, так и откликнется» — в этой конкретной информации об акустических свойствах природы еще не содержится иронии, хотя иносказание (метафорическое обозначение эха) и налицо. Если то же выражение применить для обозначения добра за добро же, ранее сделанное, — сентенция тоже не станет ироничной. Но в том-то и дело, что эта пословица применяется или в качестве предупреждения человеку, собирающемуся совершить зло, или же в напоминание ему о зле, ранее совершенном. Так, как правило, и у Крылова.

Грибоедовские же пословицы и поговорки ироничны или по нелепости самого смысла («Фельдфебеля в Вольтеры дам»), или благодаря присущему им изначально сарказму («А судьи кто?»). Крыловская басня и грибоедовская комедия при всем их стиховом подобии (вольный ямб, вбирающий в себя богатство разговорных стилей) неоднoкачественны не только по жанру, но и по пафосу. В басне Крылова торжествует практический смысл, житейская мудрость — в «Горе от ума» то и другое чаще представлено в заветах фамусовской «философии», от которой «ум вскружится». Драматическая коллизия пьесы заканчивается физическим торжеством фамусовского общества, косную силу которого не может искоренить Чацкий. Однако в сценической поэме Грибоедова наряду с умным (хотя и непрактичным) Чацким подспудно подразумевается и умный народ, представленный здесь идеально, духовно — всем богатством языка, в себе самом таящего нравственные эталоны.

«В “Горе от ума” Грибоедова встречаются многочисленные случаи несовпадения ударения в словах с современной нормой: сударь, географ, нужды нет, острота (в значении “остроумное выражение”), кошачьи и др.» «Анализ акцентных вариантов имен существительных в «Горе от ума» подтверждает мысль Л. А. Булаховского, который писал: “Многие думают, будто поэты по требованию рифмы разрешают себе вольное обращение с ударением, доходящее иногда до искажений. На самом деле ни один культурный поэт никогда не позволял себе и не позволяет

колебаний больших, чем те, которые реально существуют в реальном литературном языке его времени”» (И. Ели-сеева).